

Глава 27. Сяо Фэй

Нин Цзэ и раньше опасался, что птицы могут склевать семена духовных трав, поэтому предусмотрительно установил на поле два пугала. Но стоило ему прийти к грядкам, как он замер: пугала преспокойно стояли на своих местах, а вот посреди аптекарского огорода ошивался журавль. На редкость упитанный журавль.

Честно говоря, за свою жизнь Нин Цзэ видел журавлей если не тысячи, то сотни точно. Но такого жирного он встречал впервые.

Ноги у него были длинными и стройными, как и положено, но туловище напоминало идеально круглый шар. Крылья плотно прижимались к бокам, а шея, обычно изящная, так раздалась вширь, что сравнялась по толщине с телом. Глядя на это чудо природы, Нин Цзэ невольно задался вопросом: а не переломятся ли тонкие лапки под таким весом?

Более того, он всерьёз сомневался, что эта птица способна летать — крылья явно не были рассчитаны на подобную нагрузку.

Журавль тем временем сосредоточенно выклёвывал семена. Когда Нин Цзэ подошёл почти вплотную, птица даже головы не повернула. Только он мимолётно взглянул на человека своими чёрными глазами-бусинками. Затем журавль неспешно поднял одну лапу и сделал шаг. Он трижды качнулся из стороны в сторону; казалось, птица вот-вот завалится на бок.

Кое-как восстановив равновесие, журавль вытянул шею с таким видом, будто только что совершил подвиг, с трудом проглотил добычу и снова принялся за семена.

Пожирающая души лиана высунулась из-за воротника Нин Цзэ и вынесла вердикт:

«Мелкий, жирный, тупой».

Нин Цзэ согласно кивнул.

Впервые их мнения совпали настолько фундаментально, что оба почувствовали, как их странная дружба мгновенно поднялась на несколько уровней.

Шаг, второй, третий.

У журавля напрочь отсутствовало чувство опасности. Он колыхался, как желе, продолжая свою трапезу, но на третьем шаге удача ему изменила. Птица не удержала равновесия и с размаху рухнула лицом прямо в рыхлую землю. На поверхности остались только крылья, которыми она отчаянно и бесполезно колотила по воздуху.

...

Нин Цзэ просто протянул руку, ухватил журавля за шею и выудил его из грядки. Рядом с огородом стояла небольшая хижина; он затащил птицу внутрь, бросил на пол и запер дверь.

Журавль остался лежать, глядя на него с самым невинным видом.

— Ты меня понимаешь? — спросил Нин Цзэ.

Журавль смотрел на него глазами-пуговицами.

— Ты сожрал мои семена, — констатировал юноша.

Взгляд птицы оставался девственно чистым.

— Хватит прикидываться дурачком! — Нин Цзэ с грохотом хлопнул ладонью по столу.

Птица продолжала изображать святую простоту.

Журавлей в мире культивации не зря называли бессмертными — они рождались с духовными корнями и могли практиковать. Чем выше был их уровень, тем быстрее они летали. К тому же эти птицы обычно отличались кротким нравом, умом и изяществом, за что заклинатели их и ценили, используя в качестве верховых животных.

Нин Цзэ, конечно, сильно сомневался в лётных качествах этого экземпляра, но раз уж тот погубил его посевы, придётся платить по счетам. До стадии Очищения Ци юноше было ещё далеко, и каждый раз беспокоить Сюань Чжи, чтобы спуститься с горы, ему порядком надоело. Собственный скакун пришёлся бы как нельзя кстати.

Однако жирный гость оказался на редкость непрошибаемым. Что бы Нин Цзэ ни говорил, птица не двигалась, словно окончательно лишилась рассудка. Даже когда он призвал Сяо Хуня для острастки, журавль лишь лениво мазнул по лиане взглядом и продолжил медитативно созерцать пространство, распластавшись на полу.

В конце концов у Нин Цзэ лопнуло терпение. Он оставил птицу под замком и отправился инспектировать огород. Увидев масштаб бедствия, он едва сдержал желание вернуться и задать пернатому трёпку.

Из восьми засеянных грядок уцелела только одна. Пострадали даже те редкие травы, что росли здесь до него и которые он так бережно охранял. Проклятая птица сожрала почти всё!

Как бы Нин Цзэ ни злился, поделаться он ничего не мог — оставалось только смириться с неудачей. Однако он заметил кое-что новое: к огороду теперь был подведён водовод. Стоило убрать бамбуковую заслонку, как ключевая вода начинала течь по желобам, орошая грядки. На Пик Цинхуа мог свободно заходить только Нин Цзэ; остальным требовалось разрешение Мо Си. Значит, это Верховный старейшина распорядился обустроить полив.

Тронутый такой заботой, Нин Цзэ постоял немного в задумчивости, а затем вернулся в аптекарскую комнату за новыми семенами. Закончив с повторным посевом, он решил перебраться в хижину у огорода насовсем — так надёжнее, мало ли что ещё может случиться.

Комната, где хранились духовные плоды, находилась довольно далеко, и, чтобы не бегать туда каждый день, Нин Цзэ сложил запасы в пространственное кольцо. Подаренный Мо Си артефакт обладал внушительным объёмом: сейчас там сиротливо лежала кучка плодов, несколько талисманов и пара десятков низкоуровневых духовных инструментов, а остальное пространство оставалось пустым.

Опасаясь, что журавль сбежит, Нин Цзэ на время своих дел оставил Сяо Хуня присматривать за ним. Но вернувшись в хижину, он понял, что переоценил стремление птицы к свободе. Журавль лежал ровно в той же позе, в какой его оставили. Юноша даже засомневался, шевелился ли тот вообще.

Домик был крошечным: всего лишь маленькая прихожая и жилая комнатка. Прибравшись, Нин Цзэ решил перекусить. Но стоило ему достать из кольца духовный плод, как перед глазами мелькнула белая тень.

В ту же секунду ладонь опустела.

Присмотревшись, он увидел, что в клюве журавля, который секунду назад казался неподвижным изваянием, уже красуется ярко-красный плод. Птица бросила на Нин Цзэ косой взгляд — всё тот же, глуповатый — и, вытянув шею, проглотила угощение.

«Так вот почему ты такой жирный! Ты просто ненасытное брюхо!»

Нин Цзэ достал ещё один плод. И снова — молниеносный выпад, и плод исчез. Ситуация повторилась раз десять. К своему удивлению, Нин Цзэ понял: несмотря на нелепый вид, этот журавль обладал незаурядным уровнем культивации. Юноша внимательно следил за каждым его движением, но так и не смог рассмотреть момент броска.

— Ты ведь любишь духовные плоды, верно? — на этот раз Нин Цзэ не стал ничего доставать.

Журавль, не отрываясь, смотрел на его кольцо. Наконец, он крайне медленно, почти торжественно, кивнул.

— А летать ты умеешь?

Журавль, пошатываясь, поднялся. Несколько раз неуклюже взмахнул крыльями и, мелко дрожа, по кривой траектории облетел комнату. Но при попытке приземлиться он с гулким «бум» нырнул головой прямо в большую фаянсовую вазу.

...

«Позорище всего журавлиного рода».

— Слушай сюда, — сказал Нин Цзэ. — Будешь следовать за мной — обещаю, духовных плодов у тебя будет вдоволь. Идёт?

Журавль, склонив голову набок, задумался. А потом просто замер...

Нин Цзэ терпеливо ждал ответа, но тишину нарушил лишь глухой стук: журавль завалился на бок и мгновенно уснул.

«Мать твою...» — впервые в жизни Нин Цзэ едва не выругался вслух.

Он подошёл и без тени жалости пинком разбудил жирную птицу.

— У тебя два пути. Первый — я сварю из тебя суп. Второй — ты станешь моим скакуном. Выбирай быстрее.

Журавль, пребывая в полудрёме, посмотрел на стоящего над ним ребёнка. Взвесив все за и против, он вяло шевельнул крылом, выбирая второй вариант. Нин Цзэ убрал ногу, и птица, закатив глаза, тут же захрапела снова.

Решив не тратить нервы, юноша оставил его в покое. Впереди было много времени — он ещё заставит этого лентяя похудеть.

***

Путь культивации делился на пять основных этапов: Концентрация Духа, Очищение Ци, Золотое Ядро, Зарождение Души и Трансформация Бога. Только достигнув стадии Очищения Ци, человек обретал право называться настоящим заклинателем: его жизнь продлевалась до двухсот лет, он мог летать на мече и использовать магию.

Присматривая за огородом, Нин Цзэ упорно тренировался, подпитываясь духовными плодами. На его нынешнем уровне требовалось не так много энергии, поэтому при поддержке ресурсов

он довольно быстро преодолел порог и перешёл к Очищению Ци.

«Быстро» — понятие относительное. Для гениев его темп был бы ничтожным. В прошлой жизни без всяких наставников Нин Цзэ справился за полгода, теперь же на это ушло целых два года.

За это время он не только окреп в плане магии, но и заметно вытянулся, достигнув плеча Мо Си. Это несказанно его радовало. Раньше, стоя рядом с Верховным старейшиной, он чувствовал какую-то нелепую разобщённость, теперь же всё выглядело куда естественнее. До прежнего роста было ещё далеко, но ощущение того, что он может стоять с Мо Си плечом к плечу, наполняло сердце теплом.

Закончив медитацию, Нин Цзэ открыл окно. Сяо Фэй — так он прозвал журавля — дрых у порога. Юноша, не церемонясь, перешагнул через него. За два года выросла лиана, возмужал сам Нин Цзэ, заколосились травы в саду, и только этот пернатый комок жира оставался неизменным в своей любви к еде и сну.

Нин Цзэ несколько раз брал его для поездок вниз, и хотя каждый раз они чудом избегали столкновений с деревьями, до места всё же добирались. Что касается лианы, то ей Нин Цзэ тоже дал имя — Сяо Хунь.

Лиана яростно протестовала, заявляя, что имя звучит как полное дерьмо, и даже дулась на хозяина несколько дней, но Нин Цзэ был непреклонен.

Подойдя к грядкам, он привычно осмотрел всходы. Чтобы совершить прорыв с девятого уровня Концентрации Духа до Очищения Ци, ему потребовалось полгода, двадцать пять плодов и энергия четырёх камней духа низкого качества.

Теперь, на первом уровне Очищения Ци, один съеденный плод давал лишь каплю в море необходимой энергии. Полагаться на одни фрукты больше не имело смысла — нужны были иные методы. Эффект от «Заклинания Очищения Духа» сохранялся: теперь Нин Цзэ обладал Пятью духовными корнями стихии дерева, и скорость поглощения энергии возросла, но для его амбиций этого всё равно было мало.

Каждый день, проведённый без силы, отдалял его от мести и возможности по-настоящему стоять рядом с Мо Си. Эта медлительность вызывала у него острую тревогу.

Убедившись, что лекарственные травы накопили достаточно силы, Нин Цзэ сорвал по одному экземпляру каждого вида согласно рецепту Пилюли Основания. Вернувшись в комнату, он достал таинственную книгу-руководство и свой алхимический котёл.

С замиранием сердца он заложил ингредиенты и плотно закрыл крышку. Спустя четверть часа по комнате разлился благоухающий аромат, а котёл начал испускать мягкое золотистое сияние.

Нин Цзэ, уже имевший опыт в алхимии, осторожно приподнял крышку. На дне покоилась идеально круглая, гладкая пилюля, источающая дивный запах. В прошлой жизни ему доводилось видеть Пилюли Основания, так что перепутать он не мог. Убедившись, что всё прошло успешно, он раскрыл книгу, чтобы проверить, сколько очков добра и зла было списано на этот раз.

<http://bllate.org/book/17490/1713552>